
ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 89—99.

Economic and Social Research. 2023. No. 2 (38). P. 89—99.

Научная статья

УДК 17; 124

doi: 10.24151/2409-1073-2023-2-89-99

<https://elibrary.ru/dqxkvs>

Гуманизация морального сознания: антропологический аспект

Л. С. Андреева

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия*

humbab@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблему изменения способов моральной регуляции в современном мире. Утверждается, что размывание ценностной иерархии и нравственная релятивизация, происходящие в массовом обществе, порождают феномен «частичного», «неполного» человека, неспособного к нравственно и социально ответственному поведению, к собственному духовному преобразению. Показано, что культура как надбиологическая программа человеческой деятельности воспроизводится благодаря стремлениям людей подняться над природно-животным (протоморальным) состоянием. Высказано предположение, что усиление утилитарного начала в контексте развития технологической цивилизации сопровождается размыванием и забвением духовных ценностей, выражающимися в рецидивах варварства. Сделан вывод, что гуманистическое мышление выявляет противоречия в развитии человеческой природы и позволяет обнаружить пути гармонизации внутреннего мира человека: облагораживание проявлений эмоциональных переживаний и сдерживание деструктивных мотивов.

Ключевые слова: гуманизм, духовность, ценности, свобода воли, мораль, деятельность, этика ненасилия, моральное сознание

Для цитирования: Андреева Л. С. Гуманизация морального сознания: антропологический аспект // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 89—99. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-89-99> EDN: DQXKVS.

Original article

Humanization of moral consciousness: anthropological aspect

L. S. Andreeva

*Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich
Stoletov, Vladimir, Russia*

humbab@mail.ru

© Андреева Л. С.

Abstract. The author considers the problem of changing the ways of moral regulation in the modern world. It is stated that the erosion of the value hierarchy and moral relativization occurring in mass society give rise to the phenomenon of a “partial”, “incomplete” person unable to morally and socially responsible behavior, to spiritual transformation of self. It is shown that culture as a supra-biological program of human activity is reproduced due to the aspirations of people to rise above the natural-animal (proto-moral) state. A suggestion is made that the strengthening of the utilitarian principle in the context of the development of technological civilization is accompanied by the erosion and oblivion of spiritual values, expressed in relapses of barbarism. It has been concluded that humanistic thinking reveals contradictions in the development of human nature and makes it possible to find ways to harmonize the inner world of a person: ennobling manifestations of emotional experiences and restraining destructive motives.

Keywords: humanism, spirituality, values, free will, morality, activity, ethics of nonviolence, moral conscience

For citation: Andreeva L. S. “Humanization of Moral Consciousness: Anthropological Aspect”. *Economic and Social Research* 2 (38) (2023): 89–99. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-89-99> EDN: DQXKVS.

Социально-нравственная задача поиска модели цивилизационного развития российского общества предполагает философско-этическую рефлексию ценностных оснований, определяющих стратегические цели общественных изменений. В глобализирующемся мире возрастает значение гуманистических ценностей, связанных с правами и свободой человека, творчеством, развитием индивидуальных способностей и интересов, с идеей общего блага, сочетающегося с благом каждого гражданина и др.

В массово-общественной форме гуманистические ценности транслируются и репрезентируются в человеческих качествах: в естественно-природных и социокультурных характеристиках конкретно-исторических индивидов, выступающих объектами и субъектами индивидуальной и общественной морали. Мораль заключает в себе ценности различной природы, выражающие представления о достоинстве, целях, смысле человеческой жизни, а также о критериях справедливости и гуманности общественного устройства и социальной практики в целом. Нормативно-ценностная регуляция в долгосрочной перспективе осуществляет гуманитарную функцию поддержания баланса между

разнонаправленными интересами людей, воплощенными в многообразных формах человеческих взаимоотношений, и эффективнее неморальных средств противостоит деструктивным тенденциям.

В силу своей природы мораль побуждает людей к определенным социально значимым действиям и ограничивает те действия, которые угрожают интересам благополучия, сохранения и выживания общества, регулируя поведение преимущественно ненасильственными способами с учетом побуждений отдельных людей к одухотворению повседневных поступков личными нравственными усилиями. Но в современном обществе происходит изменение способов моральной регуляции в связи с новым «симфоническим» пониманием морали как отражением перемен в самом мультикультурном сообществе. В современной культуре наблюдается тенденция к переходу от исторического типа морали (она рефлексивно представлена в кантовской этике категорического императива, гипостазирующей атомизированного индивида), к типу морали, предметом которой является моральная регуляция отношений между социальными группами в меняющемся обществе, требующая постоянной

спецификации и конкретизации принципов и норм. Потребность в новых формах поддержания социальной самоорганизации связана с тем, полагает Р. Г. Апресян, что современное общество — «это смешанное (спутанное) общество с радикально изменившимися институтами семьи, родительства, семейного воспитания; оно структурно и функционально диверсифицировано, нуждается во всё большей роли формализованных, т. е. процедурно оформленных, институциональных, корпоративных, внутривидовых, внутривидовых способах регуляции поведения, причем не только в публичной, но и в частной жизни» [2, с. 9].

Размывание ценностной иерархии и нравственная релятивизация, происходящие в массовом обществе, порождают феномен «частичного», «неполного» человека, неспособного к нравственно и социально ответственному поведению, к собственному духовному преобразению. Такой тип человека и его квазикультурное поведение представляют сегодня серьезную опасность для европейско-христианской цивилизации. Соответственно, проблема нравственного совершенствования человека выступает как императив глобальной эволюции, так как, по убеждению Г. С. Киселева, противостояние цивилизации реально существующей угрозе саморазрушения, утраты достижений культуры и деградации ценностных оснований человеческого бытия может быть основано только на постоянном становлении, непрекращающемся творческом самоизменении каждого отдельного человека [12, с. 6].

Институционализация и формализация моральных регуляторов, выражающаяся в санкционировании массового поведения и контроле над ним, направлена на упорядочивание (нормирование) прав и обязанностей «частичных» индивидов в отношении к воспроизводству и сохранению имеющихся экономических и культурных благ. Культура как надбиологическая программа человеческой деятельности воспроизводится благо-

даря стремлениям людей подняться над природно-животным (протоморальным) состоянием. Однако усиление утилитарных мотивов поведения человека, сопутствующее технологическому развитию цивилизации, в свою очередь, сопровождается размыванием и забвением духовных ценностей. Эти тенденции находят воплощение в рецидивах варварства, т. е. в нарушении человеком утвердившихся цивилизационных форм поведения, которые должны выполнять продуктивно-созидательную функцию и обеспечивать историческую перспективу развитию общества и человеческой жизни. Как справедливо отметила Н. В. Мотрошилова, даже несмотря на тысячелетний путь культурного становления человеческого рода и выработку объективных механизмов человечности, «характерные для эпохи варварства механизмы детерминации и поведения человека не исчезают полностью... <...> Они сохраняются в виде некоторого “наследственного кода”, который и на уровне индивида, и на уровне общественных систем проявляет свое действие, причем нередко становится исходной причиной взрывов, всплесков варварства, и не только на обочине, но и на самой “столбовой дороге”, в центре цивилизации» [13, с. 50]. Недостойное человека поведение (грубое насилие, крайняя жестокость, невежество, скотство, бесстыдство и др.) выступает симптомом неблагополучия в устройстве и функционировании того типа цивилизации, в основе которого лежит принцип господства — подчинения, провоцирующий агрессивные-эгоистические поведенческие комплексы, унаследованные человеческим видом от животного мира в ходе биосоциальной эволюции и свидетельствующие о противоречивости телесно-духовной природы человека.

Примат потребительства над производительностью, узкого утилитаризма над гуманистической социальностью, предупреждает Э. Фромм, заключает в себе опасность экологической катастрофы: «Впервые в истории физическое выживание человеческого рода

зависит от радикального изменения человеческого сердца» [16, с. 40]. Гуманизация социально-культурных оснований человеческой жизни, безусловно, не может осуществляться без учета антропологических констант и психофизиологических механизмов индивидуального поведения. Один из таких механизмов — стремление к стабилизации и социальному благополучию, критериями которых можно считать уровень солидарности людей в их ориентации на гармонизацию идеального и реального, в частности, индивидуальных интересов и общих целей. В связи с этим в культурных формах поведения человека проявляются терпимость, сострадание, взаимопонимание, солидарность, но также могут иметь место культурно обусловленные агрессия, подозрительность, отчужденность. Вместе с тем в каждой из этих характеристик поведения проявляется глубинная психофизиологическая установка, совмещающая в себе рационально-рефлексивные и дорефлексивные иррациональные комплексы.

Одна из функций гуманистического мышления заключается в обнаружении противоречий в человеческой природе и выработке реалистического, подтверждаемого выводами науки и социальной практикой пути гармонизации внутреннего мира человека. Этот путь лежит через формирование личностных качеств и психических переживаний, которые не только сдерживают деструктивные начала, но и облагораживают человека. Действительно: «Осознание нашей потенциальной и реальной деструктивности и ее причин, — пишет А. А. Кудишина, — следование определенным нормам гуманности во имя изменения по преимуществу губительного для человечества (т. е. в перспективе тупикового) образа жизни могут способствовать изменению как характера индивида, так и общих условий человеческого существования. Осознание в данном случае оказывается реальной “очищающей” силой. Оно имеет прямое отношение как к индивиду, так и ко всему человечеству» [3, с. 341].

Сближение «наук о духе» и «наук о природе» открывает теоретические возможности для более адекватного объяснения и понимания глубинных основ субъектности и субъективности человеческого индивида и связанного с ними мира ценностей. Субъективность человека невозможна без своей природно-телесной основы, являясь ее продолжением и одновременно диалектическим преодолением биологических границ, за которыми и возникает свободная целеполагающая деятельность, и вместе с ней формируются самосознание и способность к самопреобразованию личности.

Современный эволюционный натурализм стимулирует постановку вопросов, связанных с пониманием генезиса духовности человека и природы ценностей: «Что является носителем ценностей: жизнь во всем содержании этого понятия или только человеческая жизнь? — вопрошает В. Г. Борзенков. — Формируются ли ценности в процессе естественной эволюции Космоса и органической жизни или у ценностей есть особый, трансцендентный миру источник? Едино ли механизмы формирования ценностей в органическом мире и в мире человеческой культуры и что они собой представляют?» [5, с. 96].

Возрождение натуралистической линии в философии (биофилософии) в последние десятилетия связано с процессом взаимного сближения методов и концептуальных оснований естественных и гуманитарных наук в исследовании эволюционно-биологических основ мира человеческих ценностей. Интеграция достижений комплекса биологических дисциплин (этологии, зоопсихологии, приматологии и др.) позволяет (осторожно) строить гипотетические предположения о поведенческом родстве животных и человека, которое проявляется в таких поведенческих феноменах, как взаимопомощь, альтруизм, брачно-любовное ухаживание, доминирование, лидерство, защита потомства и территории. Действительно, продолжает В. Г. Борзенков,

человек «рождается снабженным не только большим набором инстинктивных реакций, но и множеством диспозиций (предрасположенностей) вести себя определенным (число способов является строго ограниченным) образом. Это не только не отрицает, но, напротив, предполагает важную (и даже во многом решающую) роль внешней среды, культурного воспитания ребенка для усвоения конкретных форм поведения» [4, с. 9].

Достижения синергетики и связанной с ней теории универсального эволюционизма выступают научно-теоретическим основанием для предположения об объективной телеологичности, скрытой в организации универсума как целого и онтологически предваряющей человеческую субъективность: «Поскольку субъективность обнаруживает действенную цель, даже целиком и полностью ею живет, — пишет Г. Йонас, — немое нутро, которое лишь через нее обретает дар речи, т. е. материя, уже должно скрывать в себе цель в несубъективной форме, или некий ее аналог» [11, с. 142]. Такой взгляд — новая попытка построения моральной онтологии из факта наличия целесообразности в объективной реальности. Бытие ценно само по себе, поэтому утверждение ценности человеческого существования не может быть основанием для выведения долга из бытия; человек обязан своим генезисом всей структурной организованности природы, из чего следует и признание его особой нравственной ответственности перед будущим и, следовательно, перед собственной судьбой.

С позиций ценностного натурализма, в человеческой биологии аккумулируются универсальные структуры и функции, имплицитно преддетерминирующие социальную жизнедеятельность, невозможную без качества субъективности. Сущность субъективности — свободная разумная воля, служащая, несмотря на то что ее природа скрыта от человека, природно-онтологической предпосылкой человеческой свободы в ее мета-

физическом смысле. Свобода воли свойственна лишь человеку и определяется как способность удерживать и вариативно, творчески осуществлять определенные действия, сообразно сознательно удерживаемой цели (осознанной потребности) и вопреки случайным обстоятельствам, препятствующим этому. Разумная воля возникает в процессе разрешения противоречий между индивидом и коллективом, когда витальные (органические) потребности выступают препятствием для достижения социально значимых целей, реализующих задачу поддержания гомеостаза социума. В животном мире обнаруживаются лишь «волеподобные» действия, совпадающие с активностью биологического уровня, направленной на удовлетворение инстинктивных потребностей организма, согласованных в ходе эволюции с «целями» популяции, вида и биосферы, т. е. системной планетарной организации живого на Земле. Человек же способен заботиться о собственной субъективности, преодолевать свою зависимость от органических нужд и ценить эту способность: «Человек ест, чтобы жить, а не наоборот, — утверждает Э. В. Ильенков, — поэтому он не животное. Тут тайна “бескорыстного, незаинтересованного созерцания”, отношение к предмету, а вовсе не как к предмету специфической потребности — тайна универсальности рода в противоположность особенностям вида» [10, с. 112].

У человека врожденные формы поведения дополняются программами, полученными при обучении и воспитании, но закрепленными в тех же самых, что и инстинкты, природно-эволюционных нейрофизиологических механизмах. В автономно-свободном волепроявлении индивида интегрируются идеальные формы сознания, приобретенные, но ставшие автоматизмами, (мыслимыми) конституирующими смысложизненными целями, независимыми от выступающих в роли целей-средств в отношении к стратегическим (конечным) целям личностного бытия. Проявление сознательной воли как

проективно-идеального фактора деятельности включает в себя два типа взаимообусловленных психофизиологических процесса: неконтролируемый и контролируемый, которые одновременно могут быть одобряемыми и подавляемыми сознательной волей. Степень сознательного контроля собственного поведения выступает конкретно-историческим критерием цивилизованности человека и выражением гуманистического вектора социокультурной эволюции человечества.

Современное сложноорганизованное общество предъявляет к индивиду разнонаправленные требования, предполагающие высокий уровень саморегуляции социально негативных комплексов (агрессивность, ксенофобия, соперничество и др.). Без саморегуляции человек не может сохранять достаточную психологическую самостоятельность, которая является интроспективным условием личной свободы. Обретение внутренней свободы в результате усвоения в ходе воспитания способов и приемов подавления инстинктов, считающихся нежелательными в данном обществе, сопровождается накоплением неудовлетворенности от вытесненных желаний. Подавление и вытеснение может стать причиной спонтанных выплесков подавленных бессознательных влечений, которые принимают формы деструктивного и сублимированного поведения. Рационализированный самоконтроль над эгоистическими и деструктивными сторонами человеческой природы, постоянное подавление нежелательных бессознательных импульсов может привести к обеднению эмоционально-чувственной сферы, утрате способности выражать положительные эмоции при удовлетворении (даже в культурно-приемлемой форме) естественных потребностей. Необходимость разрешения внутриличностных конфликтов порождает постоянные трудности, которые личность преодолевает в процессе установления глубинной связи Я с жизненными целями, переживаемыми как экзистенциальные, выбранные самим

субъектом решения: «Только то, в чем я чувствую себя действующим субъектом, на что распространяется моя “ответственность”, только то является “моим”, — пишет В. В. Зеньковский, — остальное же не “мое”, а только находится “во мне”» [8, с. 301]. Глубокая связь волевой активности с эмоциональной сферой личности приводит (в результате повторения продуктивных волевых актов) к образованию нейрофизиологических функциональных моделей, обеспечивающих привыкание индивида к правильным действиям, а затем — к превращению их в автоматизмы. Благодаря этому механизму автоматизации, моральный выбор осуществляется на бессознательном уровне, в то время как сознание «освобождается» для духовной деятельности.

Современная физиология труда дает научное обоснование антропологической ценности психологической доминанты (модели потребного будущего). Важный элемент в этой ценности — энергичная, связанная с напряженной тратой интеллектуальных и физических сил, систематическая производительная (полезная и творчески-игровая) деятельность, стимулирующая восстановление затраченной энергии, причем восстановление с избытком. Увеличение свободной психической энергии в результате деятельности личности происходит, по мнению В. Д. Жирнова, в том случае, если личность ориентирована на возвышенную мотивацию и совершенствование способностей [7, с. 39]. Привыкание к добровольному напряжению индивидуальных «живых сил» благоприятно влияет на процесс разрешения неизбежных, разноуровневых (по причине дихотомичности природы человека) волевых внутриличностных конфликтов. При наличии возвышающей мотивации к содержательной работе и других здоровых потребностей моральная личность способна действовать и под влиянием природной предопределенности, и вопреки ей, в зависимости от жизненных обстоятельств, но в вариативных

границах разумно-уравновешенного поведения, в котором достойно разрешаются «вечные» противоречия общественной и частной жизни человека.

Идея превращения труда в свободную и самоценную деятельность (без внешнего принуждения, без социально-институционального контроля) получила социально-философское обоснование в марксизме. Эта концепция, связанная с понятием реального гуманизма, выражающего новый тип свободного (универсального) общения между людьми в обществе будущего, заключает в себе элементы утопии по той причине, что позитивная мотивация и стимуляция труда в условиях автоматизации и информатизации производства включает в себя как моральные, так и иные виды социальной мотивации, которые могут противоречить друг другу и препятствовать снятию самоотчуждения человека в трудовом процессе: «Полностью преодолеть отчуждение, сопутствующее процессу труда, нельзя, — предостерегает А. В. Разин, — так как оно одновременно является и условием развития человека. Человек как социальное существо в определенном смысле отчужден от своей исходной биологической природы. Он преодолевает ее в процессе собственного социального развития. И осуществляется этот процесс под воздействием тех стимулов, которые направляют его труд. Однако когда человек достигает социальной зрелости, когда у него формируются развитые представления о собственном достоинстве, именно труд прежде всего становится полем его творчества. В этом смысле труд заключает в себе огромную энергию жизни» [14, с. 349—350].

В идеале самореализация человека в свободной созидательно-творческой деятельности пробуждает в нем всю полноту и целостность его сущностных сил, энергия которых направлена на актуализацию высших смыслов человеческого бытия. Редуцирование же труда к чисто прагматическому утилитарному смыслу лишает его самоценности, и он превращается лишь в средство удовлетворе-

ния материальных потребностей. Рассуждая в этом ключе, вместе с тем необходимо учитывать, что в социально-экономическом плане труд деятельного индивида-субъекта остается «частичным» в отношении к трудовому процессу общества в целом, ибо человек закрепляется за какой-либо специализированной деятельностью и его личностное развитие в значительной мере определяется спецификой профессии и пространством возможностей в рамках социальной группы, с которой он себя идентифицирует, и, в более общем плане, накопленным социально-культурным потенциалом общества, обуславливающим набор достижимых и доступных человеку форм самоосуществления. В гуманистически ориентированном обществе личностно-моральная мотивация к труду становится долговременным фактором жизнестворчества и определяет процесс «мягкого» взаимосогласования двух наборов ценностей: ценностей адаптации (успешная жизнь в обществе) и ценностей самореализации (стремление к постоянному развитию, выходу за пределы усредненных требований) (см.: [9, с. 8]). Напротив, при доминировании адаптивной функции труда самоактуализация личности смещается в сферу досуга, в субкультурные, маргинальные формы активности (эскапизм, гедонизм, мистицизм, религиозный радикализм, политический терроризм, экзоромантизм и др.), что снижает человеческий продуктивно-созидательный потенциал и усиливает тенденцию к антропологической деградации социума.

Другой сферой воспроизводства человеческой жизни, основанной на природно-биологических законах, являются семейно-брачные отношения и репродуктивное поведение человека в целом. В русской духовно-гуманистической философской традиции (П. Чаадаев, В. Соловьев, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, В. Зеньковский, В. Розанов и др.) пол рассматривался в субстанциональном плане в качестве метафизической силы, проявляющейся в человеке

(на внетелесном уровне) как подлинно духовная сущность, которая глубже чувственно-половой сферы и пронизывает все индивидуально-личностные черты конкретного человека. Половой диморфизм в человеческом измерении связан не столько с морфофизиологическими характеристиками полов, сколько с душевно-психологической инаковостью мужчины и женщины, поэтому их брачный союз («становление единой плотью») предполагает преодоление каждой из сторон индивидуального эгоцентризма, себялюбия, проявление индивидами готовности к долготерпению, смирению, милосердию, принятию личности другого, что определяется чувством любви, соединяющим в себе высшие духовные интенции человеческого существа. На почве половой любви человеческая душа выходит за пределы собственного естества, происходит пересоздание духовного облика, заключающееся в открытости личности всему миру, в победе чистой духовности над унижающей достоинство человека животностью.

Западный мир, ориентированный на рост материального благополучия, породил «бесплодную» городскую цивилизацию, в которой смещена традиционная для женщины (первичная) физиологическая роль матери, связанная с полом. Западный феминизм в его радикально-неолиберальной форме заменяет понятие пола понятием рода (гендер) и утверждает, что половые характеристики («мужественность» и «женственность») не являются врожденными, а навязаны современному обществу патриархальной (маскулинной) культурой. Радикальный феминизм деформирует фундаментально-онтологическую полярность (андрогинность) мужского и женского, несущих в себе две формы животворящей энергии, резонирующих одна в другой. Однако, напоминает С. А. Ушакин, синергичность мужского (ян) и женского (инь), согласно древнекитайским учениям, есть основа мировой гармонии [15, с. 35].

Эмансипация современной социо-ориентированной женщины, наряду с положительными эффектами (получение реального экономического и политического равноправия), имела ряд отрицательных последствий: «размывание» половой идентификации в связи с трансформацией символов «женственности» и «мужественности» и их вариативности; рост маскулинизации («ому-жествления») женского поведения в ущерб природному предназначению женского начала — готовности к материнству, состраданию, самопожертвованию, жалости, прощению, любви.

В связи с этим важна духовная основа полового воспитания детей. О ней говорил Папа Римский Иоанн Павел II, размышляя о любви как одной из высших ценностей человеческой жизни: «Для нравственного и физического здоровья человека представляется необходимым с детства воспитывать его, с одной стороны, в правде, с другой — в уважении к вопросам пола, поскольку они тесно связаны с наивысшими ценностями человеческой жизни и любви... Разумеется, знание сексуальных биофизических процессов необычайно важно, нужно и ценно; однако ни в воспитании, ни в сексуальной терапии оно не приведет к достижению подлинной цели, если не будет по-настоящему опираться на объективное видение личности, а также на ее естественное (и сверхъестественное) призвание к любви» [6, с. 331].

Психолого-педагогические наблюдения за развитием детей убеждают В. В. Зеньковского в том, что в ребенке пол действует, не имея еще конкретного предмета полового интереса: «Так называемая “асексуальность” детства относится именно к тому, что в детском существе пол еще внеэмпиричен, что в нем еще нет “половой жизни”» [8, с. 166]. Сознание ребенка по своей природе целомудренно. Природное целомудрие служит своеобразным иммунитетом от раннего «заражения» детей взрослыми чувствами. Пол проникает все психические функции

развивающейся личности, поэтому направленность и характер половых переживаний имеют большое значение для индивидуальной поло-ролевой самоидентификации и в целом определяют смысложизненные ориентации человека в период их усиления. Половая социализация по унисексуальному типу, т. е. фемининная для мальчиков и маскулининая для девочек, искажает естественные половые характеристики детей и в конечном счете формирует внесупружеские и антиродительские установки на «безопасный» секс, на раннее вступление в половую жизнь и, как следствие, лишение во взрослой жизни полноценных интимных переживаний от близости с любимым человеком. Тотальная сексологизация сознания детей и подростков опасна, по оценкам врачей, снижением качества репродуктивной функции: «Половая социализация по инверсионному типу, — предостерегает В. В. Абраменкова, — по своей сути является прямым насилием над естественной природой ребенка и таит в себе определенную опасность для общества в целом, масштабы которой трудно предугадать» [1, с. 118].

Коммерциализация массовой культуры также несет в себе реальную, уже ощутимую угрозу примитивизации и инфантилизации душевного мира целых поколений людей. Без развивающих душу культурно-просветительских воздействий на уровне массового сознания происходит необратимое обеднение ценностной сферы человеческой жизни, распространяющееся на содержание межчеловеческих отношений и, в первую очередь, на характер отношения полов и на всю семейно-брачную жизнь.

Западный (католический) мир серьезно озабочен последствиями сексуальной революции 1960-1970-х гг. и принимает меры к формированию у детей и подростков установки на воздержание от добрых половых связей. Россия, к сожалению, не убергла пореформенное поколение от «русской сексуальной революции» и ее негативных

последствий. В связи с этим, на наш взгляд, все нравственно-ответственные силы должны быть озабочены тем, чтобы ввести процесс полового воспитания и поло-ролевой идентификации новых поколений в приемлемое для здорового общества русло и восстановить традиционно сдержанно-целомудренное отношение нашего народа к интимной сфере человеческой жизни, что является одним из существенных условий сохранения российской цивилизации.

Человеческая деструктивность как социокультурный и природно-эволюционный феномен, проявляющийся на всех уровнях общественного бытия, начиная с первобытности и до современного технически-рационального глобализованного общества, включает в себе много загадочного и не объяснимого логическими аргументами, поэтому нуждается во всестороннем междисциплинарном исследовании и в философско-антропологическом осмыслении. Политический терроризм, бытовая преступность, психологическое отчуждение людей, индивидуальная конкуренция (агрессия), подавляющая репродуктивный рефлекс и ведущая к снижению рождаемости, — эти и другие формы деструктивности, выступающей модусом человеческого существования, ставят под сомнение возможность реализации идеи ненасилия в ее новозаветной христианской версии, радикальным приверженцем которой был Л. Н. Толстой, обосновывавший моральную программу «непротивления злу силой».

Проблема толерантности (ненасилия) должна осмысливаться и решаться в контексте понимания человеком самого себя, собственной биосоциальной природы, в которой противоречивым образом взаимодействуют видовые и родовые, универсальные и индивидуальные характеристики. Эти характеристики могут быть скорректированы, выстроены в систему под влиянием образа должного — морального императива, направленного на сдерживание инстинктивных

разрушительных импульсов человеческого поведения на основе добровольно принимаемых ограничений личной свободы, допустимых и нравственно оправданных в процессе творческой самореализации человека.

Реалистическая этика ненасилия, в отличие от абсолютной, учитывает неустрашимые противоречия между утилитарными и духовными ценностями, между ценностью неприкосновенности личности другого и общей безопасностью, поэтому оправдывает такие формы насилия, которые обеспечивают сохранение меры моральной справедливости в границах общественной целостности, основанной на допустимом балансе норм индивидуальной и универсальной морали.

Движение человечества к гуманистическим целям, важная среди которых — свободная личность, связано с внутренними, в чем-то антиномичными противоречиями рационального и иррационального начал в человеке, всё больше вызывающих сомнение в способности человеческого рода к разумному, гуманитарно-пацифистскому жизнеустройству, сдерживающему хаотически-разрушительные импульсы в человеческой природе.

Новоевропейская рационалистическая философия поставила проблему преодоления насилия в отношениях между людьми в философско-антропологическом аспекте, допуская в человеческой природе наличие потенциальной возможности сдерживания и регуляции саморазрушительных иррациональных начал. Такой силой может выступать человеческий, созидающий «мир человека» разум, доказавший и доказывающий, что у рациональности в ее бытийном измерении не может быть альтернативы в решении насущных проблем гуманизации человеческой жизни.

Список литературы и источников

1. **Абраменкова В. В.** Половая дифференциация и сексуализация детства: горький вкус запретного плода // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 103—120. EDN: UNHZMO.
2. **Апресян Р. Г.** Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 3—17. EDN: HTEORX.
3. **Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А.** Человечность человека: основы современного гуманизма. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российское гуманистическое общество, 2002. 388 с. (Б-ка журнала «Здравый смысл»).
4. **Борзенков В. Г.** Единство науки и проблема редукции // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2010. № 4. С. 3—23. EDN: MVRXUV.
5. **Борзенков В. Г.** Жизнь и ценности. К обоснованию современного натурализма // Жизнь как ценность. М.: ИФРАН, 2000. С. 94—110. (Философский анализ оснований биологии).
6. **Войтыла К. (Йоанн Павел II).** Любовь и ответственность. М.: Рудомино-Евромедиа, 2003. 333, [1] с.
7. **Жирнов В. Д.** Здоровье как антропологическая проблема // Человек. 2002. № 6. С. 32—41.
8. **Зеньковский В. В.** Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995. 346, [1] с. (Философско-психологическая б-ка).
9. **Иванченко Г. В.** Самоопределение личности как открытый проект // Человек. 2005. № 3. С. 5—16. EDN: HSIKIN.
10. **Ильенков Э. В.** Философия и культура: [сборник]. М.: Политиздат, 1991. 462, [2] с. (Мыслители XX века).
11. **Йонас Г.** Принцип ответственности: Опыт этики для технол. цивилизации; Наука как персональный опыт / пер. И. И. Маханькова. М.: Айрис-Пресс, 2004. 479 с. (Человек и мир).
12. **Киселев Г. С.** Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 3—16. EDN: HUGUID.
13. **Мотрошилова Н. В.** Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник

- Московского университета. Сер. 7: Философия. 2006. № 4. С. 49—65. EDN: JWZSCX.
14. **Разин А. В.** Философия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности (направлению подгот.) ВПО 030101 (020100) и 030100 (520400) Философия. М.: Гардарики, 2006. 459 с.
 15. **Ушакин С. А.** «Человек рода он»: футляры мужественности // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 34—56. EDN: HRZMMV.
 16. **Фромм Э.** Иметь или быть? / пер. с англ. Н. И. Войскунской, И. И. Каменкович. М.: Прогресс, 1986. 238 с.
 9. Ivanchenko G. V. “Self-Determination of a Person as an Open Project”. *Chelovek = Human Being* 3 (2005): 5—16. (In Russian). EDN: HSIKIN.
 10. Ilyenkov E. V. *Philosophy and Culture*: [collection]. Moscow: Politizdat, 1991. 462, [2] p. (In Russian). Mysliteli XX veka.
 11. Jonas Hans. *Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*. 9. Aufl. Berlin: Suhrkamp, 2003. 426 S. (In German).
 12. Kiselyov G. S. “The Meanings and Values of the New Century”. *Voprosy filosofii* 4 (2006): 3—16. (In Russian). EDN: HUGUID.
 13. Motroshilova N. V. “Barbarism as a Reverse Side of Civilization”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy* 4 (2006): 49—65. (In Russian). EDN: JWZSCX.
 14. Razin A. V. *Philosophy*: study guide for university students at the specialty (direction of training) HPE 030101 (020100) and 030100 (520400) Philosophy. Moscow: Gardariki, 2006. 459 p. (In Russian).
 15. Ushakin Sergey. “‘Man of Masculine Gender’: Manliness Cases”. *Voprosy filosofii* 7 (2005): 34—56. (In Russian). EDN: HRZMMV.
 16. Fromm Erich. *To Have or to Be?* 1976. London: Bloomsbury, 2013. 216 p. Bloomsbury Revelations.

References

1. Abramenkova V. V. “Sexual Differentiation and Sexualization of Childhood: Bitter Taste of Forbidden Fruit”. *Voprosy Psychologii* 5 (2003): 103—120. (In Russian). EDN: UNHZMO.
 2. Apresyan R. G. “The Concept of Social Morality”. *Voprosy filosofii* 5 (2006): 3—17. (In Russian). EDN: HTEORX.
 3. Borzenko I. M., Kuvakin V. A., Kudishina A. A. *Humanity of a Human: Fundamentals of Modern Humanism*. 2nd ed., rev. and upd. Moscow: Rossiyskoe gumanisticheskoe obshchestvo, 2002. 388 p. (In Russian). B-ka zhurnala “Zdravyi smysl”.
 4. Borzenkov V. G. “The Unity of Science and Reduction Problem”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy* 4 (2010): 3—23. (In Russian). EDN: MVRXUV.
 5. Borzenkov V. G. “Life and Values. Substantiation of Modern Naturalism Revisited”. *Zhizn' kak tsennost'*. Moscow: IFRAN, 2000. 94—110. (In Russian). Filosofskiy analiz osnovaniy biologii.
 6. Wojtyla Karol. (Pope John Paul II). *Love and Responsibility*. San Francisco, CA: Ignacius Press, 1993. 319 p.
 7. Zhirnov V. D. “Health as an Anthropological Problem”. *Chelovek = Human Being* 6 (2002): 32—41. (In Russian).
 8. Zen'kovskiy V. V. *Psychology of Childhood*. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1995. 346, [1] p. (In Russian). Filosofsko-psikhologicheskaya b-ka.
- Информация об авторе**
- Андреева Людмила Сергеевна** — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и религиоведение», Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87).
- Information about the author**
- Ljudmila S. Andreeva** — PhD (Philos.), Associate Professor at the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (Russia, 600000, Vladimir, Gorky str., 87).
- Статья поступила в редакцию 02.06.2023.
- The article was submitted 02.06.2023.